

лексва
" школа драматического
искусства"
("Класс экспрессивной
пластики")

КЛАСС ЭКСПРЕССИВНОЙ ПЛАСТИКИ

Лекс правдд. - 1993. - 2 июня - с. 4

Отшельничество при открытых дверях

Неожиданная заминка: при входе в тесный гардеробчик подвала, оказалось, надо снимать не только плащи и куртки, но и обувь: помеха не физическая (ко всему привыкли), но этическая. Пока высокомерные ветераны злорадно вытаскивали заранее заготовленные тапки, основная масса сбилась на импровизированный референдум и с резолюцией - кличем — у всех носки драные! — ринулась в комнату-зал, где заполонила немногие стулья и даже пораскинулась на половичке, символизирующем отделение зрителей от чистого паркета - сцены. Свет истаял — началось.

Фигуры словно сбиты из сгущенного мрака и воздушных течений — их легкость, подвижность, пластичность генерируют мощную энергию. Тела — порой в странных одеяниях, подчас обнаженные или полуобнаженные — то хрупки до ослепки, то глядят мраморной статуей или излучают нежное тепло.

Очень скоро название «Класс экспрессивной пластики» (при «Школе драматического искусства» Анатолия Васильева) перестало называться всприним. «Жизнь человеческого тела» — по второй и наименее употребительной в теории и на практике части зна-

менитой формулы Станиславского — предстала в ракурсе непривычном и утонченном.

Один из характернейших фрагментов: две фантастические фигуры — не то куколки, не то гигантские гусеницы, от шен до щиколоток спеленутые полосками ткани. Перемещаются чудом, почти болезненными извивами всего туловища; явную меж разнополыми симпатно способны выжать лишь взглядами да единственно доступной лаской — потиранием друг другу подошв. Внезапно — пришел срок? — тугие пути ослабевают, высвобождая из-под старой шкуры мягкую, трепещущую плоть. Поеживаясь без привычной защиты, она с испугом и наслаждением осваивает новые возможности в нежданно распахнутом мире. Игра рождается от прикосновений, проникает сквозь поры, движется по сосудам, протекает в мускулах. В отличие от иных театральных (и не только) заведений, где вожделем демонстрируют сведение человеческого и животного, природное в классе Геннадия Абрамова — лишь начальная точка. Плоть стремится к одухотворению. Импровизации (а весь коллаж «Межсезонья», третьего уже спектакля Класа — плод фантазии и труда самих студийцев) потому долгие: одни тяготеют к жанровым зарисовкам, почти эстетичным, полным юмора, а то и сарказма; другие более абстрагированы, философичны и доказывают, что в безмолвии

можно выразить (и увлекательно) сложные представления.

Вознесение, восхождение, устремление от дольной инстинктивности существования к горнему миру складывает и смысл всего обаятельного зрелища.

Разность с традиционными пластическими школами радикальна: там тренируют тело ради максимальной выразительности порывов и эмоций, тут — напротив, ощущения исходны, задают ритм и темп, отчего в представлении при всей его избыточности прорываются первобытные, динамические интонации.

Три-четыре из полутора десятков импровизаций составили бы украшение любого курса, обеспечили бы их участникам безбедное бытие и восторги ценителей в любой части света. Студийцы о том, вероятно, осведомлены, цену себе знают, но предпочитают полуголодное подвижничество. Рассчитывают на большее? Возможно. Но и иное: система Геннадия Абрамова, еще не до конца сформированная и сформулированная, требует — в силу раскритичности, обнаженности в прямом и любом смысле — и масштаба человеческой личности, внятного и наблюдательного, и участникового. А самосозидание, самостроительство нуждаются в некоем затворничестве, отрешенности. Там более в годы суеты и продажности.

Артист - отшельник? Уже интересно.

Г. ДЕМИН.